

ostatních filologických oborů pro práci s odbornými ruskými texty. Hodnotím přínos publikace pro zahraniční studenty rusistiky a zejména doktorandy, kteří mají jedinečnou příležitost seznámit se s prací ruských lexikografů XIX. století a pracemi ruských jazykovědců; a za to patří sestavitelkám chrestomatie z univerzity v Petrohradu dík, ač s jistými výhradami.

Zdeňka Nedomová

Костомаров, В. Г.: Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. второе, исправленное и дополненное. Москва 1997, 304 с.

Первое издание этой книги вызвало неподдельный интерес, успешно закончилась также попытка ввести в лингвистический обиход обладающее объяснительной силой понятие «языкового вкуса». Автор решился переиздать книгу, что заинтересованный читатель воспринимает с огромным удовольствием.

Изучая данный материал, автор рецензии, которая уже десять лет находит с удовольствием подтверждения обоснованности места своих поисков с огромным удовольствием прочитала данный труд. Виталий Григорьевич подчеркивает: «филология традиционно признает достойным предметом анализа преимущественно лишь художественные тексты» (с. 194). Хотелось бы добавить: и напрасно...

Автор всесторонне рассматривает выявленные проблемы, делая это оригинально и новаторски, причем ключевые вопросы как бы вынесены в заголовки отдельных семи разделов, предупрежденных **Введением** и законченных обстоятельным **Заключением**.

Во Введении автор полемизирует с противниками «безоглядного процесса варваризации», «вандализации» языка. Те же процессы воспринимаются часто журналистами (и не только – И. К-Б) совершенно иначе, как «раскрепощение языка».

Позиция Костомарова, его мудрый объективизм, выражен уже в семантизации понятия вкуса (и моды) как «категории, воздействующей на развитие языка, даже определяющей направление его динамики». (с. 9.). Свой анализ автор сопровождает богатым фактическим материалом из журналов, газет, телепередач. Затем он представляет несколько теоретических соображений относительно вкуса как категории речевой культуры и как последствия антропоцентрического подхода к языку в аспекте его изменений. (с. 25–39).

По мнению рецензента, можно не одобрять современного языкового вкуса россиян, современной моды, но они ведь суть отображение нашей сумбурной жизни, которую Костомаров адекватно определяет как «эпоху хаоса и смены ценностей». Кстати, подобные процессы выпали на долю польского языка...

В первом разделе п. 3. «**Стилистика**» автор концентрирует внимание на многоликости и многообразности тех явлений, которые «деформируют (...) стилевые границы и стилевые отношения». Это, например, словесные игры, шутки, калам-

буры, пустоговорки, макаронизмы, окказионализмы. Ценно наблюдение автора, что все это есть результат «всеохватного стремления к обновлению» (с. 44). Безусловно – это также симптомотреагирования после эпохи повсеместных запретов, в том числе – на индивидуальное слово. После тщательного анализа новаций, Костомаров очень метко определяет причины, которые ведут «к перестройке и обновлению всей стилистической системы общения». (с. 70–73).

Формирование новой стилистики требует значительного обновления репертуара литературных средств выражения. О его источниках идет речь в очередных главах.

Во второй главе, «**Внутренние заимствования (из просторечия, диалектов, жаргонов)**», автор подробно рассматривает содержание просторечной стихии, доказывая на многочисленных примерах, что и просторечие, и жаргонизмы вызваны именно коренной модификацией ценностной парадигмы. И опять-таки автор не осуждает, а реалистически констатирует, что названные в заглавии явления свидетельствуют «о растущей роли разговорности в общественной (...) коммуникации. Ее свежесть, откровенность, экспрессия вполне соответствуют вкусам общества и эпохи». (с. 103). А о вкусах ведь не спорят...

Третья глава посвящается **внешним заимствованиям с учетом американизмов и других иноязычных влияний**. Лейтмотив раздела выражен разумно и убедительно: «Говорят: „свое не полюбишь. чужое не поймешь“. Верно! Но верно и то, что не полюбив чужого, трудно понять свое!» (с. 133).

Казалось бы, что наличие многочисленных публикаций на эту тему исчерпывает возможности сказать еще что-либо новое. Костомаров, разумеется, не игнорирует соответствующую литературу. «От себя» же делает сильный акцент на заимствования оправданные и неоправданные, а этим последним уделяет особо много внимания, говоря о **засоризмах**, об **эпидемии чужебесия**, о **молодежном интержаргоне** и о его этимологии. (с.125–127).

Четвертый раздел, «**Переосмысления, сдвиги в семантике слов**» посвящен константным ведь языковым процессам, но автор обращает внимание на немаловажный факт, что они «диаметрально противоположны тем, что были запущены в советском обществе». (с. 137). Эту противоположность он иллюстрирует множеством примеров, выделяя группы наиболее употребительных слов и фразеологизмов. Семантический анализ многочисленных лексических единиц с учетом их социальной жизни есть – особо для иностранцев – ценный источник знаний о современных путях эволюции русского языка.

Пятый раздел – «**Новая фразеология**». Итак, общеизвестно, что жизнедеятельность слова тесно связана с его сочетаемостными потенциями. Костомаров метко отмечает, что создание новой фразеологии связано прежде всего с социально-политической сферой. Среди многих других, автором анализируются словосочетания: **новые русские** и родственные им, **ближнее зарубежье**, **дальнее зарубежье**, фразеологизмы со словом **власть**.

После вдумчивого анализа отобранных новых фразеологизмов, в том числе – крылатых слов – Костомаров резюмирует: «...идет массовое напряженное фразеотворчество, дополняющее (...) всеохватывающую проверку на точность и

прочность, на пригодность для новых условий (...) Очень многие известные фразы удаляются в запасники и забываются. Очень многие из сохранившихся (...) вызывают сомнения (...) На глазах складывается новая фразеология, связанная с активными процессами в словообразовании». (с. 194).

Рецензенту близка также проблематика, представленная в шестой главе – «Активные процессы в словообразовании». Кроме объективной реляции, автор предлагает читателю модели, повышающие продуктивность. Однако он не обходит молчанием произвольного речетворчества в этой области за счет экспансии прпосторечия и жаргонов.

Среди новейших образований, о которых говорит Костомаров, я бы обратила внимание на слово *беспредел*, которое не без социального обоснования стало очень модным. Автор адекватно называет его «чуть ли не символом эпохи».

Не меньше внимания Костомаров уделяет новообразованию *совок* (с. 219–221). После тщательного анализа многих контекстов автор обращает внимание на его внутреннюю форму, по которой «слово вписывается в длинный ряд метафорических названий людей с общим значением ‘глупый, тупой’» (с. 221). Естественно *совок* имеет несколько социопсихологических коннотаций и должно быть предметом отдельного описания.

Говоря о языковом вкусе эпохи, автор обращает также внимание на процессы, намечающиеся в грамматике и фонетике, орфографии и пунктуации (седьмая глава). Само обособление этой проблематики в русле рассматриваемых вопросов говорит лишний раз о том, как глубоко трактует Костомаров названную в заглавии книги исследовательскую проблематику.

Хотя многосторонние наблюдения в этой главе носят беглый характер, но сам автор адекватно, как мне кажется, оценивает, что хотел представить процессы, намечающиеся на «непроницаемых» уровнях языка. Это надо считать оригинальным исследовательским достижением, и наряду с материалом предыдущих глав данные рефлексии поощряют к дальнейшему изучению.

В **Заключении** (с. 270–293) автор не только обобщает свои наблюдения и открытия, но и приводит взгляды ведущих отечественных лингвистов на современное состояние русского языка.

Он еще раз обосновывает с помощью аргументов мысль, что русский язык сегодня приспособляется к новому переходу от единомыслия к плюрализму и «индивидуальному разнообразию». Притом нельзя повернуть вспять ни историю, ни жизнь, ни процессы языковых изменений. Заодно он напоминает, что «язык способен принимать очень разные обличья, оставаясь самим собой». Костомаров очень бережно относится к материи языка, предлагая вместе с тем не преувеличивать угрозу и осознавать факт, что «не все новшества суть деформации, многие впоследствии становятся нормой». Костомаров – приверженец мнения, что язык в состоянии освободиться от ненужного, от противоречащего его системе-норме-узусу. (Кстати, его размышления об этих категориях очень оригинальны и плодородны).

Главный тезис Виталия Григорьевича, отнюдь не претендующего на роль автора *единственно правильного учения*: не судить, а наблюдать, исследовать:

«Кто мы такие, чтобы судить что есть обеднение, регресс языка, и что есть его обогащение, прогресс?» (с. 273)

После этого существеннейшего, но по сути дела, риторического вопроса, автор очень справедливо отмечает, что все-таки мастера слова, те, кому дано, то есть работники СМИ, в ответе равно за форму, как и за содержание пропагандируемого слова. Им-то не должна прощаться никакая оплошность.

Итак, мы получаем материал, который заинтересует несомненно лингвистов, культурологов, вообще – всех гуманитаров. Это по истине настольная книга, тезаурус знаний о современном русском языке. С моей точки зрения абсолютное достоинство книги Костомарова заключается в том, что автор есть приверженец идеи антропоцентризма, и в этом русле продолжает диалог о языковом вкусе эпохи.

Иоанна Коженевска-Берчинска (Ольштын)

Бацевич, Ф. С., Космеда, Т. А.: Очерки по функциональной лексикологии. Львов 1997. 392 с.

Авторы рецензируемой книги хорошо известны в славянской лингвистической литературе. Их научно-исследовательские интересы сосредоточены главным образом на лексических проблемах в их современном «прочтении» и отличаются научной глубиной и философской обоснованностью. Неслучайно они редактировали и активно участвовали в сборнике «Провідні лінгвістичні концепції кінця ХХ століття» (Львів 1996), в котором тезисы Флорія Бацевича «Шляхи розвитку філософії мови в Україні: теoантропологічний напрямок» занимают одно из значительных мест.

В представленных «Очерках» авторы исходят из особой важности семасиологического и ономасиологического подходов к языку и его словарному составу. Конечно, в подобном аспекте исследуется не только лексика отдельного языка: такой взгляд доминирует и в сопоставительной, контрастивной лексикологии (ср. хотя бы книгу В. Н. Манакина «Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки», Киев-Кировоград; разделы «Семасиологические параметры сопоставления» и «Ономасиологические параметры сопоставления»). Однако Ф. Бацевич и Т. Космеда, выдвигая функционализм как главную парадигмальную черту лингвистики конца XX века, рассматривают семасиологию и ономасиологию в качестве важнейших направлений функционального изучения лексики. Разграничивая «функции языка» и «функции языковой единицы», а затем конкретизируя такие фундаментальные понятия, как «значение», «значимость» и «функция», авторы показывают не только их взаимодействие, но и постоянный, всё порождающий функциональный динамизм. Я бы подчеркнул, что это вполне соответствует одной из основных мыслей С. Кариевского, который писал: «Если бы знаки были неподвижны и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы обычным собранием этикеток» (см.: «Об асимметричном дуализме